

он выразил с большой силой: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. Первое связывает меня со всем бесконечным внешним миром. Второй представляет меня в мире. Первое уничтожает мое значение, второй бесконечно возвышает мою ценность» [26, т. 4, ч. 1, с. 499—500]. Еще прежде, чем поэтом, Ленский при первом появлении в романе назван поклонником Канта. В начале XIX в. философия Канта напряженно изучалась передовой, в том числе революционно настроенной молодой интеллигенцией России [27, с. 137—138]. Не случайно нравственные вопросы стоят в центре размышлений кантианца Ленского. В числе важнейших предметов споров с Онегиным названы добро и зло, его рано волновала *Ко благу чистая любовь*, на поединок он выходит как борец против зла [7, т. 6, с. 35, 38, 123—124].

И другие персонажи решают нравственные проблемы. Глава 4 открывается эпиграфом «La morale est dans la nature des choses. Necker». Ее начинают этические размышления Онегина и продолжают этические размышления Автора. После объяснения в саду Онегин и Татьяна вдвоем явились в дом, не нарушив этикета:

Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва.

[7, т. 6, с. 80]

То, что допустимо в топосе Деревни, недопустимо в топосе Москвы. Сложные этические коллизии возникают между Онегиным и Татьяной в гл. 3—4, между Онегиным и Ленским в гл. 5—6, перед Татьяной в гл. 7, между Онегиным и Татьяной в гл. 8. Именно тем, как они решаются, определяется все романное действие. И завершается оно моральной сентенцией:

Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

[7, т. 6, с. 188]

Мы уже видели, что социальную и этическую коннотацию имеют основные топосы романа, страны света, север и юг. Теперь мы можем сказать, что художественное пространство «Евгения Онегина» в целом — это этическое пространство. Сходные выводы сделаны о художественном пространстве древней русской литературы [28, с. 210; 4, с. 344]. В языке художественного пространства зримо овеществляются, на языке художественного пространства выражаются и основные этические категории, и оттенки норм поведения.

Разумеется, это не единственная функция, а лишь одна из многих. Роман в стихах с его динамикой, сложным перетеканием различных форм сознания из одной в другую, с внезапным сочленением фабульных и внефабульных элементов поэтической ткани, с переплетением и сочетанием самых разных стилистических пластов, — такой роман противится сведению его художественной структуры к любой схеме. Пушкин создал сложный, многоплановый, художественно противоречивый образ пространства. Физические и географические его функции редуцированы, этические, социальные, эмотивные выдвинуты. И можно утверждать, что это сделано поэтом в значительной мере сознательно. К роману в стихах в полной мере относятся слова, сказанные Пушкиным по поводу картины мира, созданной им (как раз в пору работы над «Евгением Онегиным») в «Подражаниях Корану»: «Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!» [7, т. 2, с. 358]².

² Приношу глубокую благодарность Л. Я. Гинзбург, которая прочитала статью в рукописи и сделала ряд ценных замечаний.